

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

Исторический факультет

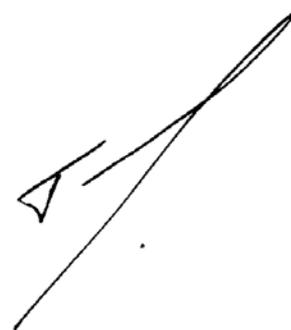
На правах рукописи

Ганин Андрей Владиславович

Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX вв. (1891-1917 гг.)

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва
2006

Работа выполнена на кафедре Истории России XIX – нач. XX вв.
исторического факультета Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент
Айрапетов Олег Рудольфович

**Официальные
оппоненты:**

доктор исторических наук, профессор
Дегоев Владимир Владимирович
(МГИМО (У) МИД РФ)

кандидат исторических наук, доцент
Смирнов Андрей Анатольевич
(Московский архитектурный институт (государственная академия))

Ведущая организация: Государственный исторический музей

Защита состоится «14» ноября 2006 г. в 16 часов на заседании
Диссертационного Совета К-501.001.09 по отечественной истории при Московском
государственном университете им. М.В. Ломоносова по адресу:
Москва, Воробьевы горы, МГУ, 1-й корпус гуманитарных факультетов, аудитория 550.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ им. А.М. Горького
(МГУ, 1-й корпус гуманитарных факультетов).

Автореферат разослан «___» октября 2006 г.

Ученый секретарь
Диссертационного Совета

доктор исторических наук,
профессор Н.В. Козлова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Вызовы современности, наличие в военной доктрине России задач по организации территориальной обороны заставляют обратиться к историческому опыту казачества. История казачества – неотъемлемая часть истории становления и развития России XIV-XX вв. Видный деятель казачьей эмиграции, бывший председатель Донского правительства Н.М. Мельников писал в 1928 г.: «Казачество... Казаки... Не колеблюсь сказать: на мой слух – «это звучит гордо». Ведь это – те самые, которые из России большой сделали Россию Великую, расширив ее границы, присоединив к ней необъятные пространства Дона, Кубани, Терека, Кавказа, Урала, Сибири, Дальнего Востока. И не только присоединили, но и колонизовали, удержали, вросли корнями, закрепили прочно и навсегда».¹ Действительно, в истории дореволюционной России казаки сыграли выдающуюся роль, отнюдь не случайно появилось выражение, что «границы России лежат на арчаке² казачьего седла». Актуальность темы обусловлена ее недостаточной разработанностью, отсутствием в науке целостного видения комплекса проблем завершающего этапа существования казачества в Российской империи и необходимостью значительного расширения источниковой базы исследований и обобщения ранее накопленного материала.

Объект исследования. Объектом исследования является Оренбургское казачье войско как административно-хозяйственная единица, оренбургское казачество как особое сословие и воинские формирования оренбургского казачества в составе русской армии конца XIX-начала XX вв.

Предмет исследования. Предметом исследования являются военно-политические и социально-экономические процессы, определявшие эволюцию Оренбургского казачьего войска в конце XIX-начале XX вв.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом 1891-1917 гг. Выбор нижней хронологической границы обусловлен, прежде всего, принятием 3 июня 1891 г. «Положения об общественном управлении станиц казачьих войск», внесшего значительные изменения в жизненный уклад казачьих войск. Выбор верхней границы связан с событиями Февральской революции (этот сюжет вынесен за рамки исследования) и сменой государственного строя России.

Территориальные рамки исследования охватывают Южный Урал, Поволжье, Сибирь, Среднюю Азию, пункты дислокации оренбургских казачьих частей на территории Варшавского, Петербургского, Казанского и Туркестанского военных округов, применительно к событиям 1904-1905 гг. территорию Дальнего Востока и Маньчжурии, а в отношении событий 1914-1917 гг. – полосу Восточного фронта, а также отдельные районы Закавказья.

¹ Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Париж, 1928. С. 220-221.

² Арчак – деревянная основа казачьего седла.

Степень научной разработки темы. Еще до 1917 г. в России было издано значительное количество работ по истории казачества, но современные авторы отмечают такие недостатки дореволюционных трудов по этой тематике, как невысокий уровень анализа материала, стремление обосновать концепцию верноподданнической роли казачества на протяжении всей его истории, неточность фактической базы. Тем не менее, многие работы и по сей день не утратили своего значения. Среди работ общего характера следует упомянуть труды И. Хорошхина и других авторов,³ отличавшиеся большим количеством статистического и исторического материала, тщательным подходом авторов к анализу рассматриваемых проблем. Особое место в дореволюционной историографии занимает состоящий из 4 частей 11-й том официального юбилейного издания «Столетие Военного министерства». Первые две части издания представляют собой исторический очерк Главного управления казачьих войск, в третьей части подробно рассмотрена воинская повинность казаков в ее историческом развитии и в четвертой – землеустройство казачьих войск.⁴ Наиболее характерными для дореволюционной историографии произведениями стали краткие очерки по истории войска или отдельных частей, составленные, как правило, казачьими офицерами.⁵ Многие из этих работ, часто написанных с включением личных воспоминаний их авторов, в связи с утратой в ходе революции, Гражданской войны и после нее целого ряда документальных материалов по истории войска, приобрели черты исторического источника. Среди этих трудов можно выделить исследования генерал-майора Ф.М. Старикова (1842-1911),⁶ без использования которых изучение развития войска до начала XX в. невозможно представить.

Дореволюционная историография русско-японской войны достаточно обширна, но аналитических работ по участию казаков в боевых действиях издано практически не было.⁷ При анализе места и роли оренбургских казаков в боевых действиях были использованы классические военно-исторические исследования, как по всей войне, так и по отдельным ее событиям. К таким

³ Генерального штаба полковник Хорошхин [И.]. Казачьи войска. Опыт военно-статистического описания. СПб., 1881; Нуджевский М. Опыт военно-исторического исследования о казачестве. Житомир, 1897.

⁴ Столетие Военного министерства 1802-1902. Т. XI. Ч. I-IV. СПб., 1902-1911.

⁵ Авдеев П.И. Историческая записка об Оренбургском казачьем войске, составленная Советником Войскового хозяйственного правления полковником П.И. Авдеевым. Оренбург, 1904; Алексеева Н.И. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Составлен женой хорунжего М.И. Алексеева. Оренбург, 1910; Водопьянов В.П. История 6-го Оренбургского казачьего полка. М., 1996 (репр. изд.); Лобов Н.Г. Описание знамен, знаменных значков и хоругвей Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1912; Он же. Краткая записка о старшинстве Оренбургского казачьего войска: составлена на основании исторических материалов по приказанию генерал-лейтенанта Сухомлинова 15 декабря 1911 г. Оренбург, 1911; Общее понятие об истории Оренбургского казачьего войска с приложением схемы и ведомости знакам отличий, высочайше пожалованным строевым частям Оренбургского казачьего войска. Казань, 1911.

⁶ Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты. Оренбург, 1891; Он же. Исторический очерк присоединения к России Оренбургского края и участия в этом местного казачества. Оренбург, 1891; Он же. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890; Он же. Откуда взялись казаки. 2-е изд. Оренбург, 1884.

⁷ За исключением мемуарно-исследовательских работ А.И. Кривошекова: Оренбуржцы на Дальнем Востоке. Шестая сотня 12-го полка. Вып. 1. Троицк, 1913; Разбитый разъезд. Рассказ из русско-японской войны. Троицк, 1913; В плену у японцев. Троицк, 1913.

работам следует отнести материалы работы военно-исторической комиссии Генерального штаба генерал-майора В.И. Гурко,⁸ произведения А.Н. Куропаткина⁹ и других авторов.¹⁰ Из трудов, касающихся общих проблем военной истории, опубликованных в эмиграции, нужно упомянуть «Историю русской армии» А.А. Керсновского, которая была переиздана в России.¹¹

В советской историографии, если не считать книги Н. Евсеева¹², носившей пропагандистский характер, научное изучение прошлого оренбургского казачества началось лишь с середины 1950-х гг. и связано с деятельностью Л.А. Селивановской¹³, Г.В. Пожидаевой¹⁴ и Л.И. Футорянского¹⁵, занимавшихся, главным образом, проблемами социально-экономической истории. Вопросами политической истории войска занимался челябинский историк М.Д. Машин,¹⁶ но его монография «Оренбургское казачье войско» носит обзорный характер и, в основном, касается истории войска до 2-й половины XIX в.

Наиболее значимыми для рассматриваемой темы являются труды современной российской историографии. Основоположителем научного осмысления проблемы участия оренбургских казаков в русско-японской войне является оренбургский исследователь В.Г. Семенов, написавший на местном материале обзорную статью по этому вопросу; участие казачества в

⁸ Русско-японская война 1904-1905 гг. Т. 1. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне и подготовка к этой войне. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-Японской войны. СПб., 1910; Русско-японская война 1904-1905 гг. Т. 2. Первый период. Ч. 1. От начала военных действий до боя под Вафангоу 1 июня. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-Японской войны. СПб., 1910.

⁹ Куропаткин А.Н. Записки генерала Куропаткина о русско-японской войне. Итоги войны. Издание второе. Берлин, 1911.

¹⁰ Апушкин В.А. Русско-японская война 1904-1905 гг. М., 1911; Гершельман Ф. Конница в русско-японскую войну и в былое время. СПб., 1912; Голеевский. Описание действий конницы 2-й Маньчжурской армии в период боев у Мукдена 14-25 февраля 1905 г. СПб., 1906; Извлечения из труда ротмистра австрийской службы графа Врангеля. Конница в Восточно-Азиатской войне. Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып. XI. СПб., 1907; Иллюстрированная летопись русско-японской войны (По официальным данным, сведениям печати и показаниям очевидцев). СПб., 1904; Пеле-Нарбонн. Ген.-лейт. германской службы. Поучительность для кавалерии войны в Манчжурии. Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып. XVII. СПб., 1908; Русско-японская война в сообщениях в Николаевской академии Генерального штаба. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1906 и др.

¹¹ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 3. 1881-1915 гг. М., 1994.

¹² Евсеев Н. О прошлом и настоящем оренбургских казаков. Самара, 1929.

¹³ Селивановская Л.А. Социальная дифференциация оренбургского казачества в конце XIX – начале XX вв. //Уч. зап. Оренбург. гос. пед. ин-т. Вып. 13. Оренбург, 1958. С. 41-89; Она же. Экономическое положение и социальная дифференциация оренбургского казачества в конце XIX – начале XX вв. //Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962. С. 265-267.

¹⁴ Пожидаева Г.В. Разложение казачьей общины накануне 1917 г. (По материалам Южного Урала) //Вопр. аграрной истории Урала и Западной Сибири: Докл. и сообщения науч. конф. «В.И. Ленин и социалистическое преобразование сельского хозяйства Урала и Западной Сибири». Курган, 1971.

¹⁵ Футорянский Л.И. Казачество в период буржуазно-демократических революций в России. Дисс. д.и.н. М., 1973; Он же. Землевладение и землепользование в Оренбургском казачьем войске в конце XIX – начале XX вв. //Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье (Дореволюционный период). Уфа, 1988; Он же. Казачество в системе социально-экономических отношений в предреволюционный период России //Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972; Он же. Расслоение казачьих хозяйств в конце XIX – начале XX века. //Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, 1974.

¹⁶ Машин М.Д. Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976 (2-е изд. – Челябинск, 2000); Он же. Казачество в революции 1905-1907 гг. //Научная сессия по истории первой русской революции 1905-1907 гг. М., 1965. С. 232-242; Он же. Казачество в революции 1905-1907 гг. //Ученые записки Пермского и Оренбургского пединститутов. Общественные науки. Вып. 32. Пермь, 1969. С. 84-100; Он же. Оренбургское казачество в 1-й и 2-й Государственных Думах //Урал в революции 1905-1907 гг. Свердловск, 1985; Он же. Российская социал-демократия и рост оппозиционных настроений среди казачества Урала //Вестник Челябинского педагогического университета. Исторические науки. 1996. № 1. С. 71-80.

целом в войне рассматривали и некоторые другие авторы.¹⁷ Продолжением исследования проблемы стали глава диссертации и статья В.В. Быкова (Челябинск), в которых автор впервые использовал некоторые документы из собрания Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) в Москве.¹⁸ Однако использованная источниковая база была недостаточной и не охватывала весь комплекс сохранившихся документов. Обращались исследователи и к проблеме участия оренбуржцев в борьбе с революционным движением в период первой русской революции. Среди первых специальных исследований по истории участия войск в борьбе с революционным движением на Урале следует отметить небольшую статью С.В. Штехера.¹⁹ Несколько страниц своей книги «Казачество России на рубеже веков», а также некоторые другие свои работы посвятил непосредственно проблеме участия казачества в борьбе с революцией Л.И. Футорянский.²⁰ По мнению Футорянского, казаки занимались контрреволюционной деятельностью, на их совести бесчинства и зверства, однако такой подход не соответствует современному уровню научной разработки проблемы.

Революционные процессы на территории Оренбургского войска и Оренбургской губернии рассматривали в своих работах В.С. Кобзов и Д.А. Сафонов,²¹ но они не касались вопросов боевого применения казачьих частей в 1905-1908 гг. и детально не анализировали влияние событий на казачью массу. Непосредственно проблеме использования оренбургских казачьих частей на Урале в годы первой русской революции посвящена лишь глава диссертации челябинского историка В.В. Быкова.²² Частично эта проблема затронута и в весьма содержательных статьях Н.Н. Попова, а также в статье и диссертации С.В. Джунджузова,²³ но в последней несколько преувеличена степень революционности оренбургского казачества в

¹⁷ Семенов В.Г. Оренбургские казаки в русско-японской войне 1904-1905 гг. // Гостинный Двор: Альманах. Калуга, 1995. № 1. С. 167-174; Воскобойников Г.Л. Казачество в русско-японской войне (1904-1905 гг.). Ростов-на-Дону, 1995; История казачества азиатской России. Т. 2. Вторая половина XIX-начало XX века. Екатеринбург, 1995.

¹⁸ Быков В.В. Оренбургское казачье войско в период русско-японской войны и подъема политической активности в России (1904-1907 гг.). Дисс. к.и.н. Челябинск, 1999. Глава. 1. С. 47-84; Он же. Оренбургское казачье войско в русско-японской войне 1904-1905 гг. // Оренбургское казачье войско. Поиски. Находки. Открытия. Челябинск, 1999. С. 75-90.

¹⁹ Штехер С.В. Участие воинских частей в подавлении революционного движения на Урале (1905-1907 гг.) // Урал в революции 1905-1907 гг. Свердловск, 1985. С. 80-82.

²⁰ Футорянский Л.И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1997. С. 108-113; Он же. Казачество в революции 1905-1907 гг. // Ученые записки Оренбургского государственного педагогического института. Общественные науки. Вып. 32. Оренбург, 1969. С. 84-100.

²¹ Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в годы первой русской революции // Оренбургское казачье войско: воинская служба и общественная жизнь. Челябинск, 1997. С. 122-137; Сафонов Д.А. Пробуждение. Революция 1905-1907 гг. и Оренбуржье. Оренбург, 1996.

²² Быков В.В. Оренбургское казачье войско в период русско-японской войны и подъема политической активности в России (1904-1907 гг.). Дисс. к.и.н. Челябинск, 1999.

²³ Джунджузов С.В. Аграрный кризис 1905-1906 годов и его влияние на распространение оппозиционных настроений среди оренбургских казаков, участвовавших в подавлении народных выступлений в Поволжье и на Урале // История аграрных отношений в России. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Оренбург, 1998. С. 219-222; Он же. Деятельность карательных органов на Южном Урале в период первой российской революции. Дисс. к.и.н. Оренбург, 1998; Попов Н.Н. Военные организации РСДРП на Урале в 1905-1907 гг. // Урал в революции 1905-1907 гг. Свердловск, 1985. С. 101-106; Он же. Казачьи формирования на Урале в 1905-1907 гг. // Казачество на государственной службе. Материалы научной конференции. Екатеринбург, 1993; Он же. Противодействие левому радикализму в гарнизонах Урала в 1905-1910-е гг. // История и террор: Тезисы докладов на межвузовской научной конференции. Вып. II. Пермь, 1996. С. 37-39.

рассматриваемый период. Общим недостатком практически всех специальных работ по данной проблеме является слабое использование их авторами документов РГВИА, имеющих непосредственное отношение к данной проблематике.

Особой темой является историография участия казачества в Первой мировой войне. Следует признать, что эта историография невелика,²⁴ что же касается оренбургского казачества, то единственным автором, непосредственно занимавшимся проблемой участия оренбуржцев в Первой мировой войне, является оренбургский историк В.Г. Семенов.

Некоторые сюжеты до сих пор вообще выпадали из поля зрения авторов. К их числу относится проблема участия казачества в подавлении восстания 1916 г. в Туркестане и Степном крае. В советской историографии это выступление считалось актом национально-освободительной борьбы народов Средней Азии и Казахстана против царизма.²⁵ Похожие оценки с упором на колониальную сущность политики России в регионе присутствуют и в современной националистической историографии.²⁶ В работе Х.Т. Турсунова основной упор был сделан на изображение народов Средней Азии как угнетенных, а политика правительства в отношении Средней Азии оценивалась как безудержная эксплуатация. Российская империя характеризовалась не иначе как «тюрьма народов», а восстание являлось само собой разумеемым следствием сложившейся ситуации. Турсунов и ряд других авторов преднамеренно искажали факты, пытаясь скрыть, прежде всего, этно-конфессиональную основу событий 1916 г. Отечественные авторы после 1991 г. за редким исключением почти не касались этой темы, видимо, полагая, что с распадом СССР данная проблематика к истории России перестала иметь отношение. Представляет интерес анализ характера восстания и исследование истории его подавления русской армией при активном участии оренбургских казачьих частей.

К современной российской историографии истории оренбургского казачества конца XIX - начала XX вв. относятся работы, главным образом, уральских историков, этнологов и краеведов, в которых с различной степенью глубины рассматриваются проблемы управления, воинской повинности, боевого применения, образования, революционного движения, хозяйственной жизни и быта оренбургского казачества. Можно выделить труды А.П. Абрамовского,²⁷ В.П. Баканова,²⁸

²⁴ Из монографических и диссертационных исследований можно отметить лишь следующие: Антропов О.О. Астраханское казачье войско в первой трети XX века: опыт социально-исторического анализа. Дисс. к.и.н. М., 1999; Воскобойников Г.Л. Казачество в Первой мировой войне. М., 1994; Евдокимов Р.Н. Казачьи войска в условиях Первой мировой войны: Кавказский фронт. Дисс. к.и.н. М., 2005; История казачества азиатской России. Т. 3. XX век. Екатеринбург, 1995; Семенов В.Г. Оренбургское казачье войско в годы Первой мировой войны 1914-1917 гг. Дисс. к.и.н. Оренбург, 2003; Трут В.П. Казачество России в период Первой мировой войны. Ростов-на-Дону, 1998; Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914-1921. Cambridge - London, 2002.

²⁵ Турсунов Х.Т. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962.

²⁶ Напр.: Кузембайулы А., Эбил Е.А. История Республики Казахстан. Учебник для вузов. Астана, 2001. С. 268-275.

²⁷ Абрамовский А.П. Оренбургское казачье войско: история и современность. Челябинск, 1993 (в соавт.); Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Войсковые школы оренбургского казачества //Вестник Челябинского университета. Серия 1. История. С. 8-19; Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Во славу государства Российского. Челябинск, 1994; Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Управление и воинская повинность оренбургского казачества (2 пол. XIX – начала XX вв.). Челябинск, 1997; Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск, 1999.

В.В. Быкова,²⁹ В.М. Войнова,³⁰ С.В. Джунджузова,³¹ В.С. Кобзова,³² В.А. Кузнецова,³³ В.Ф. Мамонова,³⁴ Т.К. Махровой,³⁵ А.И. Оборкина,³⁶ Р.Н. Рахимова,³⁷ А.А. Рыбалко,³⁸ Д.А. Сафонова,³⁹ В.Г. Семенова,⁴⁰ Г.В. Форстмана,⁴¹ затрагивающие различные аспекты развития войска и всего южно-уральского региона. Также следует отметить сборники статей по истории Оренбургского казачьего войска, издававшиеся в 1990-х – начале 2000-х гг. в Челябинске.⁴² Тем не менее, большинство работ носит частный характер, не имеет в своей основе систематической проработки всего документального материала, относящегося к истории войска и не создает целостной картины развития войска накануне гибели Российской империи.

В зарубежной историографии не было создано работ, посвященных непосредственно Оренбургскому казачьему войску в рассматриваемый период, однако историография российского казачества достаточно обширна. В англоязычной историографии выделяются работы Р. МакНила⁴³, М. Хиндуса⁴⁴, Ф. Лонгворса⁴⁵, А. Ситона⁴⁶, В. Крессона,⁴⁷ П. Холквиста,⁴⁸

²⁸ Баканов В.П. Из истории оренбургского казачества. Магнитогорск, 1993.

²⁹ Быков В.В. Оренбургское казачье войско в период русско-японской войны и подъема политической активности в России (1904-1907 гг.). Дисс. к.и.н. Челябинск, 1999.

³⁰ Войнов В.М. История войска Оренбургского. Оренбург, 1992; Он же. Правда об оренбургском казачестве //Отечество (Москва). Краеведческий альманах. 1990. № 1. С. 206-216.

³¹ Джунджузов С.В. Аграрный кризис 1905-1906 годов и его влияние на распространение оппозиционных настроений среди оренбургских казаков, участвовавших в подавлении народных выступлений в Поволжье и на Урале //История аграрных отношений в России. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Оренбург, 1998; Он же. Деятельность карательных органов на Южном Урале в период первой российской революции. Автореферат дисс. к.и.н. Оренбург, 1998.

³² Кобзов В.С. Становление и развитие структуры управления и воинской повинности оренбургского казачества (XVIII-нач. XX вв.). Дисс. д.и.н. Челябинск, 1996.

³³ Кузнецов В.А. Военно-патриотическое воспитание оренбургского казачества. Челябинск, 2004.

³⁴ История казачества Урала. Оренбург-Челябинск, 1992 (ред., член авт. колл.); Мамонов В.Ф. История казачества России. Т. 1. Екатеринбург-Челябинск, 1995.

³⁵ Махрова Т.К. Казачье хозяйство Оренбургской губернии. Челябинск, 1998; Она же. Казачество Урала и власть. М., 2004; Она же. Оренбургское казачество и степь: к вопросу о земельных отношениях //Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. II. Русская колонизация Урала: историко-культурные процессы. Челябинск, 1995; Она же. Торгово-предпринимательская деятельность оренбургских казаков (вторая половина XIX – начало XX века) //Оренбургское казачье войско: воинская служба и общественная жизнь. Челябинск, 1997.

³⁶ Оборкин А.И. История оренбургского казачества в трудах войсковых офицеров (60-е гг. XIX – нач. XX вв.) //Казаки Урала и Сибири в XVII-XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 123-128.

³⁷ Рахимов Р.Н. Оренбургские и уральские казаки-дворяне Оренбургской губернии //Башкирский край. Вып. 5. Уфа, 1994. С. 21-41.

³⁸ Рыбалко А.А. История и быт казаков Новолинейного района (этнографический очерк) //Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995. С. 117-134.

³⁹ Сафонов Д.А. Пробуждение. Революция 1905-1907 гг. и Оренбуржье. Оренбург, 1996.

⁴⁰ Семенов В.Г. Из истории Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1992; Он же. Кавалеры ордена Святого Георгия Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1992; Он же. Оренбургские казаки в русско-японской войне 1904-1905 гг. //Гостинный двор (Калуга). 1995. № 1. С. 167-174; Он же. Оренбургское казачье войско в годы Первой мировой войны 1914-1917 гг. Дисс. к.и.н. Оренбург, 2003; Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы оренбургского края. Оренбург, 1999 и др.

⁴¹ История казачества Урала. Оренбург-Челябинск, 1992 (член авт. колл.).

⁴² Оренбургское казачье войско: Исторические очерки. Сб. научных трудов. Челябинск, 1994; Оренбургское казачье войско: Культура. Быт. Обычаи. Челябинск, 1996; Оренбургское казачье войско: Воинская служба и общественная жизнь. Челябинск, 1997; Оренбургское казачье войско: Поиски. Находки. Открытия. Челябинск, 1999; Оренбургское казачье войско: Религиозно-нравственная культура. Челябинск, 2001.

⁴³ McNeal. Robert Hatch. Tsar and Cossack, 1855-1914. London, 1987.

⁴⁴ Hindus, Maurice. The Cossacks. The story of a Warrior People. London, 1946.

⁴⁵ Longworth Ph. The Cossacks. Five centuries of Turbulent Life in the Russian Steppes. N.Y., 1970.

⁴⁶ Seaton A. The Horsemen of the Steppes. London, 1985.

⁴⁷ Cresson. W.P. The Cossacks: Their history and country. N.-J., 1981.

Ш. О'Рурк.⁴⁹ Франкоязычная литература представлена трудами Ж. Савана⁵⁰ и Низеля.⁵¹ Сравнительно обширна и германоязычная литература о казаках.⁵² Наиболее оригинальными западными исследованиями являются труды Р. МакНила и П. Холквиста, предложивших собственное оригинальное видение упадка казачества во 2-й половине XIX-начале XX вв.

Анализ историографии свидетельствует о том, что дальнейшая разработка темы на материалах центральных и региональных архивов с использованием системного подхода имеет значительные перспективы. Из поля зрения исследователей по неизвестным причинам до сих пор напрочь выпадали такие сюжеты, как участие оренбургских казаков в присоединении к России Памира и в подавлении беспорядков на территории Туркестана в 1898 и 1916 гг., подготовка войска к Первой мировой войне, реформирование казачьих войск в конце XIX-начале XX вв., межвоенный период на территории войска. Достаточно поверхностной была и проработка остальных сюжетов, ставших предметом рассмотрения предлагаемой работы (состояние войска к началу XX в., казачья воинская повинность, участие в русско-японской и Первой мировой войнах, роль казаков в первой русской революции).

Источниковая база по истории Оренбургского казачьего войска конца XIX - начала XX вв. достаточно обширна. Большая часть документов по рассматриваемой теме хранится в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), наиболее значимыми в рамках изучаемой темы можно назвать фонды: Главного управления казачьих войск (Ф. 330), Главного штаба (Ф. 400), Военно-ученого архива (Ф. 846), Полевого штаба казачьих войск при Верховном главнокомандующем (Ф. 2007), Казанского (Ф. 1720) и Туркестанского (Ф. 1396) военных округов и Оренбургского казачьего войска (Ф. 1445, к сожалению, материалы этого фонда крайне немногочисленны и в целом второстепенны для рассматриваемой темы). Из собрания Государственного архива Оренбургской области (ГАОО) были использованы, прежде всего, материалы фондов Войскового штаба (Ф. 185), Войскового хозяйственного правления Оренбургского казачьего войска (Ф. 37), канцелярии Оренбургского губернатора (Ф. 10), Оренбургского губернского по воинской повинности присутствия (Ф. 188), Оренбургского губернского жандармского управления (Ф. 21), фонда исследователя истории войска есаула С.Н. Севастьянова (Ф. 169), в котором отложились материалы по истории войска и т.д. Важное значение имеют материалы отдела рукописей Российской государственной библиотеки. В первую очередь, это документы личного фонда последнего Наказного атамана Оренбургского казачьего войска М.С. Тюлина (Ф. 307), а также материалы фондов Генерального штаба (Ф. 68) и В.Г. Короленко (Ф. 135). Ценные сведения были извлечены из фондов Государственного архива

⁴⁸ Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914-1921. Cambridge - London, 2002.

⁴⁹ O'Rourke S. Warriors and Peasants. The Don Cossacks in Late Imperial Russia. Oxford, 2000.

⁵⁰ Savant, Jean. Les Cosaques. Paris, 1944.

⁵¹ Niesel. Les Kosaques. Etudes historiques, géographiques, économiques et militaires. Paris, 1904.

⁵² См.: Удо Г. История казачества в германоязычной литературе //Вестник МГУ. Серия 8. История. 1993. № 1. С. 69-76.

Российской Федерации (Ф. 217, Р-5881, Р-6605). Из материалов Центра документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННАО) были использованы отдельные документы, отложившиеся в фонде оренбургского истпарта (Ф. 7924). В качестве дополнения использовались отдельные материалы (Ф. 39606, 40307) Российского государственного военного архива (РГВА), Российского государственного исторического архива (Ф. 1284, 1292, 1343) и Государственного архива Ульяновской области (Ф. 76, 134). Всего в поле зрения автора попали материалы свыше 190 единиц хранения 42 фондов 8 архивов, причем подавляющее большинство архивных документов вводится в научный оборот впервые.

Использованные в работе источники можно разделить на следующие группы: 1) делопроизводственные документы (нормативная, протокольная, отчетная документация, деловая переписка); 2) документы личного происхождения и 3) материалы периодической печати.

К первой группе источников относятся приказы по военному ведомству, по Оренбургскому казачьему войску и его отделам, приказы по Казанскому военному округу, по Маньчжурской армии, циркуляры Главного управления казачьих войск, годовые отчеты Наказных атаманов о состоянии войска, документы казачьих частей и соединений периода русско-японской войны и Первой мировой войн. Документы эти отложились в собраниях РГВИА и ГАОО.

Особое значение имеют ежегодные отчеты Наказных атаманов по гражданской и военной части. К сожалению, эти отчеты, затрагивавшие основные вопросы как военной, так и гражданской жизни войска, в архивах и библиотеках России хранятся разрозненно, что серьезно затрудняет работу с ними исследователей. Между тем, они содержат ценнейшие статистические сведения о развитии оренбургского казачества и сравнительный анализ этих документов позволяет дать точную оценку демографическим и социально-экономическим процессам, происходившим в войске. Отчеты издавались в год, следовавший за отчетным, последним по времени издания оказался отчет за 1915 г., за 1916 г. отчета издано уже не было. Автором проведено выявление значительного числа отчетов Наказных атаманов в архивах и библиотеках Москвы и Оренбурга (за 1895, 1900, 1907, 1908, 1910, 1914, 1915 гг., за многие годы выявлены отчеты как по военной, так и по гражданской части, являющиеся самостоятельными документами). Поскольку в отчетах указывались статистические сведения не только за отчетный год, но также за 2-3 предшествующих, собранный материал позволяет охватить большую часть лет рассматриваемого периода. Таким образом, статистический обзор развития войска в конце XIX – начале XX вв., представленный в первой главе, достаточно репрезентативен.

Важнейшим делопроизводственным документом по внутренней жизни войска начала XX в. является «Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск Генерал-Лейтенанта Щербов-Нефедовича в 1902 году в Оренбургское казачье войско» (СПб, 1902). В докладе содержится значительная статистическая информация, отражающая практически все стороны жизни войска мирного времени и являющаяся весомым дополнением к

материалам ежегодных отчетов Наказных атаманов. Не менее значимым источником является исследование подьесаула Д.Г. Серова,⁵³ представляющее попытку скрупулезного исследования хозяйства и основных нужд оренбургских казаков. Целью автора было показать на огромном статистическом материале бедственное положение оренбургского казака, что ему вполне удалось, причем автор рассмотрел практически все аспекты деятельности казаков. Особенности бытового уклада казаков отражены в отчете об экспедиции этнографа Д. Зеленина.⁵⁴

Важным источником по истории казачьего представительства в Государственной Думе являются стенографические отчеты думских заседаний.⁵⁵ Ряд документов, касающихся казачьего представительства в Государственной Думе, содержится в сборнике статей и выступлений депутата I, II, III и IV Государственных Дум от Донского казачьего войска В.А. Харламова.⁵⁶ Представляют интерес и некоторые опубликованные документы, затрагивающие ход первой русской революции в Оренбургском казачьем войске, которые вошли в сборники документов, изданные в 1950-е-1980-е гг.⁵⁷ Для определения служебного положения тех или иных должностных лиц, уточнения прохождения службы казачьих офицеров использовались, помимо послужных списков, хранящихся в РГВИА, списки генералам и штаб-офицерам по старшинству, а также адрес-календари и другие официальные издания.⁵⁸ При оценке состояния медицинского обслуживания в войске были использованы отчет о совещании врачей Оренбургской губернии в 1903 г. и сборник медико-статистических сведений о состоянии врачебной помощи за 1910 г.⁵⁹

Служебная переписка в рамках рассматриваемой темы относится к проблеме участия казаков в русско-японской войне, их мобилизации, обеспечению и к вопросам, непосредственно связанным с ведением боевых действий, переписка также затрагивает вопросы взаимодействия Главного управления казачьих войск и Войскового штаба, материалы переписки касаются

⁵³ Оренбургский казак, его экономическое положение и служба (Очерк современного быта оренбургских казаков). Составил Д.Е. Серов. Оренбург, 1900.

⁵⁴ Зеленин Дм. У Оренбургских казаков. Отд. отт. из вып. LXVII «Этнографического Обзорения». М., 1906.

⁵⁵ Государственная Дума. Созыв I. Сессия I. Полный стенографический отчет. Т. 1-2. СПб., 1906; Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911 г. Сессия четвертая. Ч. II-III. СПб., 1911; Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия пятая. Ч. II. СПб., 1912; Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия пятая. Ч. IV. СПб., 1912; Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. 1907 год. СПб., 1907; Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. 1907-1908 г.г. СПб., 1908; Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. Сессия II. 1908-1909 г.г. СПб., 1909; Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. Сессия III. 1909-1910 г.г. СПб., 1910; Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. Сессия V. 1911-1912 г.г. СПб., 1912; Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1914 г. Сессия вторая. Ч. III. СПб., 1914.

⁵⁶ Харламов В.А. Казачий депутат Государственной Думы (1906-1917). СПб., 1995.

⁵⁷ Высший подъем революции 1905-1907 гг. Т. 1. М., 1955; Революционное движение в Оренбуржье. 1905-1907: Сб. документов и материалов. Челябинск, 1982.

⁵⁸ Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1905 г. Оренбург, 1905; Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е Сентября 1905 г. СПб., 1906; Список подполковникам по старшинству. Составлен по 1-е Января 1905 г. СПб., 1905; Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е Января 1905 г. СПб., 1905; Общий состав Главного управления казачьих войск. Исправлен по 6 Апреля 1906 г. СПб., 1906; Общий состав чинов управлений Казанского военного округа. К 15 Января 1903 г. Казань, 1903.

⁵⁹ Совещание врачей Оренбургской губернии с участием представителей Губернского Распорядительного Комитета, Городского Управления и Войскового Хозяйственного Правления. Первый съезд. 25 февраля – 3 марта 1903 года. Оренбург, 1903; Сборник медико-статистических работ по Оренбургской губернии. Организация и распределение врачебной помощи в Оренбургской губернии за 1910 год. Оренбург, 1912.

проблемы массовых беспорядков в период 1905-1907 гг. и их подавления оренбургскими казачьими частями, а также внутреннего развития войска в конце XIX – начале XX вв.

Документы личного происхождения (воспоминания, дневники, письма), связанные с историей войска, сравнительно немногочисленны, что, прежде всего, обусловлено малочисленностью войсковой интеллигенции и недостаточным уровнем исторического самосознания ее представителей. Ценные сведения по истории войска содержатся в воспоминаниях лиц, по своему происхождению не являвшихся оренбургскими казаками, но либо служивших вместе с ними, либо посещавших территорию войска и позднее написавших об этом. Значительный интерес представляют неопубликованные записки последнего оренбургского Наказного атамана М.С. Тюлина (ОР РГБ. Ф. 307). Весьма интересны свидетельства об оренбуржцах Ф.И. Шаляпина, кубанского казачьего офицера Ф.И. Елисеева и др.⁶⁰

Ценнейшим источником, по которому можно судить о взглядах либералов из казачьей среды, является переписка подьесаула А.И. Мякутина, автора книги «Песни оренбургских казаков» с начальником Войскового штаба Оренбургского казачьего войска Генерального штаба генерал-майором Ф.Ф. фон Таубе.⁶¹ Автор имел возможность ознакомиться с этой перепиской во время работы в Государственном архиве Оренбургской области, однако позднее вследствие пожара в ГАОО эти документы пострадали и до сих пор исследователям не выдаются. Прочие дошедшие до нас источники из этой группы, в основном, представляют собой воспоминания, написанные уже в эмиграции. К таким работам относятся труды И.Г. Акулинина, Б.В. Геруа, А.И. Деникина, В.Н. фон Дрейера и П.Н. Шатилова.⁶² Некоторые из опубликованных воспоминаний также вводятся в научный оборот впервые, что связано с труднодоступностью для исследователей ряда эмигрантских изданий. И.Г. Акулинин и П.Н. Шатилов описывают перипетии своего участия в русско-японской войне, воспоминания А.И. Деникина интересны применительно к различным сюжетам, в том числе к истории русско-японской войны, первой русской революции и быту войск в Казанском военном округе. Значительный массив воспоминаний связан с участием казаков в русско-японской войне.⁶³ При подготовке работы были изучены воспоминания участников первой русской революции в Оренбурге.⁶⁴

⁶⁰ Шаляпин Ф.И. Повести о жизни. Пермь, 1978; Елисеев Ф.И. Первые шаги молодого хорунжего. М., 2005; Нефедов, Донской артиллерии Войск[овой] Стар[шина]. Воспоминания об оренбуржцах //Оренбургский казак. Сб. Харбин, 1938.

⁶¹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 10/4.

⁶² Акулинин И.Г. Конный бой под Вафангоу 17/30 мая 1904 года //Сибирский казак. Войсковой Юбилейный Сборник Сибирского Казачьего Войска. 1582-1932. Под ред. Е.П. Березовского. Вып. 1. Наше прошлое до Великой войны 1914 года. Харбин, 1934. С. 88-91. Он же. На разведке под Вафандяном 31 мая (13 июня) 1904 года //Там же. С. 113-116; Он же. Оренбургское Казачье Войско в борьбе с большевиками. 1917-1920. Шанхай, 1937; Он же. Что вспомнилось //Оренбургский казак: Сб. Харбин, 1937; Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. 1. Париж, 1969; Деникин А.И. Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953; фон Дрейер В.Н. На закате империи. Мадрид, 1965; Шатилов П.Н. Воспоминания о Русско-Японской войне (1904-1905 гг.) //Военно-исторический вестник (Париж). Издание Общества ревнителей русской военной старины. 1966. № 28. Ноябрь. С. 9-15.

⁶³ Аничков Д.И. Пять недель в отряде генерала Мищенко. СПб., 1907; Водопьянов В. В плену у японцев. Воспоминания русского офицера о русско-японской войне 1904-1905 гг. //Новый Часовой (Санкт-Петербург). Русский военно-исторический журнал. 1999. № 8-9; Гамильтон Я. Записная книжка штабного офицера во время

Важным источником в рамках избранной темы является песенное наследие казачества, поскольку в исторических и бытовых песнях содержится значительный объем информации о быте казаков, настроениях и даже о конкретных событиях жизни войска.⁶⁵

Особое значение для раскрытия темы имеет такой сложный источник как периодическая печать. В ходе исследования были проанализированы как местные издания, выходившие на территории Оренбургской губернии и казачьего войска, так и центральные органы военной печати. Из местных изданий можно выделить газеты «Степь», «Оренбургская газета» и «Оренбургский листок». Из центральных изданий – журналы «Вестник казачьих войск», «Вестник русской конницы», «Военный сборник», а также кадетскую газету «Речь». Газета «Степь» представляет собой орган левого направления, она выходила в Оренбурге в 1906 г. в период максимального накала революционных событий на территории войска. «Оренбургская газета» и «Оренбургский листок» были более умеренными изданиями. «Вестник казачьих войск» и «Военный сборник» - официальные периодические издания военного министерства. 180 номеров журнала «Военный сборник» были фронтально проработаны автором за период 1900-1914 гг. на предмет выявления в них публикаций, связанных с проблемами казачества. Анализ публикаций в этих изданиях позволил выявить официальную позицию власти по важнейшим проблемам, связанным с казачеством, а также выделить круг наиболее актуальных казачьих проблем, активнее других обсуждавшихся на страницах официоза военного министерства.

Несмотря на обширность источниковой базы, нельзя не отметить ее разрозненность, фрагментарность, отсутствие значительных комплексов документации по истории войска. Среди причин такой ситуации события Гражданской войны и последовавшей за ней разрухи на территории Оренбургской губернии, когда значительная часть архивных документов подверглась варварскому обращению и уничтожению. Не всегда благоприятным для документов является даже современный уровень обеспечения их сохранности. Так, в результате пожара в ГАОО 31 мая 2003 г. погибло около 500 и пострадало порядка 10 000 единиц хранения, в том числе многие документы по истории войска. Эти особенности имеющихся источников обуславливают необходимость их анализа во всем комплексе и на основе широкого применения историко-сравнительного метода изучения.

русско-японской войны. СПб., 1906; Дитерихс М.К. Несколько страниц из боевой деятельности 52-го Драгунского Нежинского полка (ныне 18-го Гусарского) в кампанию 1904-1905 гг. Елец, 1908; Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т. 1. М., 1989; Квитка А. Дневник Забайкальского Казачьего Офицера. СПб., 1908; Кривошеков А.И. Оренбуржцы на Дальнем Востоке. Вып. 1. Шестая сотня 12-го полка. Троицк, 1913; Кривошеков А.И. Разбитый разъезд. Троицк, 1913; Нодо Л. Они не знали... М., 1905; Парский Д. Воспоминания и мысли о последней войне (1904-1905 гг.). СПб., 1906; Baring Maurice. With the russians in Manchuria. London, 1905; Brindle Ernest. With Russian, Japanese and Chunchuse. The Experiences of an Englishman during the russo-japanese war. London, 1905; Cordonnier, colonel d'Infanterie. Les Japonais en Mandchourie. Paris, 190 ; McCullagh Francis. With the cossacks. Being the story of an irishman who rode, with the cossacks throughout the russo-japanese war. London, 1906.

⁶⁴ 1905 год в Оренбургской губернии (К 20-летию юбилею первой русской революции 1905 года). Оренбург, 1925.

⁶⁵ Мякутин А.И. Песни оренбургских казаков. Т. 1. Песни исторические. Оренбург, 1904; Он же. То же. Т. 3. Песни бытовые. Оренбург, 1906.

Цели и задачи исследования. Целью исследования является изучение всех аспектов истории Оренбургского казачьего войска в последние 25 лет существования Российской империи. Приоритетное внимание уделено военно-политическим аспектам истории войска как наиболее значимым для казачества, являвшегося, прежде всего, служилым сословием. В рассматриваемый период войско прошло тяжелейшие испытания – русско-японскую войну, революцию, Первую мировую войну, оренбургские казаки активно участвовали в борьбе с беспорядками в Поволжье, на Урале и в Средней Азии, войско выдержало две тотальных мобилизации. Проанализировав развитие войска в это время, возможно приблизиться к пониманию общегосударственных социально-политических и экономических процессов конца XIX – начала XX вв. и причин дальнейшей трагической судьбы нашей страны, а также выяснить, какую роль в этих событиях играло казачество, в том числе и оренбургское. В соответствии с целью исследования ставятся следующие конкретно-исторические задачи:

- проанализировать социально-экономическое положение оренбургского казачества в 1891-1917 гг. и изменения во внутренней жизни войска;
- рассмотреть политическую обстановку в войске и ее изменения в рассматриваемый период, а также политические настроения казаков в оренбургских частях, дислоцированных за пределами войска;
- исследовать влияние революционных событий на оренбургское казачество;
- определить значение оренбургских казачьих частей в составе русской армии;
- всесторонне исследовать опыт участия оренбургских казаков в завершающем этапе покорения Туркестана, событиях китайского конфликта, русско-японской и Первой мировой войнах, а также в обеспечении государственной безопасности внутри страны;
- проанализировать взаимосвязь социально-экономических и политических процессов в войске и военной службы казаков;
- дать оценку необходимым условий эффективности применения казачества в качестве инструмента государственной политики.

Оренбургское казачье войско не являлось изолированным и самодостаточным социумом, развивалось вместе с окружающим его, достаточно сложным, во многих отношениях, регионом Южного Урала и со всей Россией. История войска рассмотрена в контексте данного региона. Особый интерес вызывает анализ причин и развития кризисной ситуации, сложившейся в войске в конце XIX в. и длившейся вплоть до ликвидации казачества уже при советской власти.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, научной объективности и системности, позволяющие рассмотреть изучаемый феномен как целостную систему, анализируя факты во всей их совокупности и взаимосвязи. История Оренбургского войска рассматривается не изолированно, а во взаимосвязи с общегосударственными событиями. В работе нашли применение как общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция,

описательный, количественный), так и общеисторические (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, историко-типологический) методы исследования. Конкретно-исторические методы использовались в целях изучения конкретных исторических явлений. Нельзя не обратить внимания на то, что по многим рассматриваемым вопросам историческая наука не владеет необходимой фактической или фактологической базой. Исходя из этого, можно сделать вывод о перспективности позитивистского подхода к проблеме, при котором на первый план должны выйти задачи сбора и анализа исторических фактов. Однако исследование не ограничивается лишь этими задачами, а направлено на системный анализ накопленного фактического материала.

Научная новизна исследования заключается в том, что автором впервые осуществлено комплексное обобщающее исследование истории оренбургского казачества конца XIX-начала XX вв.: проведен всесторонний анализ внутренней жизни и политических настроений оренбургского казачества в период с 1891 по февраль 1917 гг.; детально изучена воинская повинность казачества и ее особенности; комплексно исследовано участие оренбургского казачества в завершающем этапе присоединения к России Туркестана, событиях китайского конфликта, русско-японской и Первой мировой войнах; изучен опыт участия русской армии в подавлении беспорядков на территории Туркестана и Степного края в 1916 г.; комплексно изучены воздействие на казаков-оренбуржцев революционного процесса и ход естественно-исторического рассказывания, переосмыслены ранее существовавшие взгляды на этот вопрос; введен в научный оборот значительный объем архивных источников, произведен более глубокий и тщательный анализ ранее известных документов.

Структура исследования. Диссертация состоит из Введения, 5 глав, Заключения, списка использованных источников и литературы, 44 таблиц, 2 схем и 1 диаграммы.

Практическая значимость работы. Фактический материал диссертации, обобщения и выводы могут быть использованы в научной и научно-педагогической деятельности, при обобщении исторического опыта всех казачьих войск России, исследовании проблем истории Южного Урала, присоединения к России Туркестана, китайского конфликта, русско-японской и Первой мировой войн, первой русской революции и беспорядков в Туркестане в 1916 г., при подготовке курсов лекций, спецкурсов и спецсеминаров по отечественной истории, подготовке учебных пособий, в военно-патриотическом воспитании молодежи, воспитанников кадетских корпусов и курсантов военно-учебных заведений, при составлении проектов, касающихся организации территориальных войск, близких по своим особенностям к казачеству.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования получили апробацию в докладах на 7 международных и межрегиональных научных и научно-практических конференциях, проходивших в Москве, Санкт-Петербурге, Кемерово, научных публикациях автора, в том числе в ведущих рецензируемых исторических журналах. Доклад автора на

международной конференции студентов и аспирантов по фундаментальным наукам «Ломоносов-2001» по секции «История» был отмечен дипломом ректора МГУ им. М.В. Ломоносова академика В.А. Садовниченко.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы, определена проблематика, цели и задачи исследования, дана характеристика источников и историографии, указаны научная новизна и практическая значимость работы.

В **первой главе** «Оренбургское казачье войско в конце XIX - начале XX вв. (1891-1904 гг.): внутреннее состояние, реформы и военная служба» дается общая характеристика системы управления войском, социально-экономического состояния войска, воинской повинности и военной службы оренбургских казаков в конце XIX - начале XX вв., проанализировано участие оренбургского казачества в борьбе за Памир и в китайском конфликте. К началу XX в. Оренбургское войско являлось самобытным и отлаженным государственным институтом, а также изолированной от внешнего мира общиной со своими законами и особой системой управления. Нельзя согласиться с мнением, что казаки на рубеже веков уже не вписывались в социальную структуру российского общества.⁶⁶ Ситуация представляется не столь однозначной. Власть сама была ответственна за ухудшение положения казачества, поскольку не имела продуманной программы его дальнейшего развития. Проводившиеся преобразования не носили законченного характера, часто находясь во взаимном противоречии друг с другом. Система общественного управления станиц и поселков или самоуправления в окончательном виде сложилась в начале 1890-х гг. и содержала целый ряд недостатков, прежде всего, в сфере разграничения полномочий на разных уровнях власти. Вместе с тем, наличие выборной власти на местах приводило некоторых представителей казачьей интеллигенции к мысли о необходимости введения выборного начала и в руководстве войска, которое назначалось императором и Наказным атаманом, однако выборная система в войске установилась лишь в 1917 г. Хотя войско было одним из самых многонациональных и многоконфессиональных казачьих войск России, преобладало все же великорусское православное население, достаточно устойчивыми были позиции ислама. Процент неказачьего населения был невелик, но темпы его прироста существенно превышали соответствующий показатель у казаков. Основными занятиями казаков были земледелие и скотоводство, промыслы играли незначительную роль. Вместе с тем, одной из основных тенденций в развитии казачьих хозяйств стал рост их ориентации на рынок, повышение товарности производства. Экономическое положение казаков из-за несовершенства используемых в хозяйстве технологий сильно зависело от природно-климатического фактора.

⁶⁶ Кобзов В.С., Шадрин В.М. Не славы ради. Оренбургское казачество в государственно-правовой системе Российской империи. М., 2003. С. 174.

Частые в Оренбургской губернии неурожаи вели к разорению казачьих хозяйств и голоду. Упадок казачьих хозяйств привел в конце XIX в. к тому, что государство стало оказывать казакам постоянную финансовую помощь. Естественным был процесс постепенного сокращения земельных наделов, которыми казаки наделялись за службу. Создавалась парадоксальная ситуация - казаки за свою службу не получали земельного надела в установленном законом размере. Но неисполнение своих обязательств властью могло стать поводом и для неисполнения своих обязательств перед государством со стороны самих казаков. Часть войсковой территории арендовалась для устройства золотых, железорудных и соляных приисков, значение которых было двойственным: прииски приносили определенный доход и войску и казакам, но, с другой стороны, были источником постоянного беспокойства, создавали криминогенную обстановку и земельную чересполосицу. Все сложнее казакам давался выход на службу с собственным снаряжением и строевым конем. Стоимость некоторых предметов казачьего снаряжения за 2-ю половину XIX в. возросла в 2-3 раза. Подспорьем в снаряжении казаков стали государственные пособия на покупку строевого коня, создание обмундировочного капитала, в который сами казаки в рассрочку сдавали деньги на снаряжение, а также обеспечение малоимущих казаков всем необходимым для выхода на службу посредством раскладки с их одностаничников.

Традиционный консерватизм казачества проявлялся в форме сохранения некоторых пережитков прошлого, в частности, ряда повинностей. С экономической точки зрения казаки жили лучше основной массы крестьян, однако, если положение крестьян постепенно улучшалось за счет создания «Крестьянского поземельного банка» (1882), отмены подушной подати (1885-1886), частичного или полного прощения недоимок (1894, 1896, 1899), отмены круговой поруки в крестьянских общинах (1903), снижения, а затем отмены выкупных платежей (1905), то экономическое положение казачества, в основном, только ухудшалось в связи с резким увеличением требований по выходу казаков на службу, тяжестью воинской повинности казаков и невозможностью успешно совмещать хозяйственную деятельность с несением воинской и других повинностей. Постепенно в казачестве все сильнее стали проявляться тенденции к саморасказачиванию и окрестьяниванию. В военном отношении оно превращалось из дешевого рода войск в достаточно дорогой, поскольку затраты на него постоянно возрастали. На фоне упадка и кризиса конницы во 2-й половине XIX - начале XX вв. дальнейшая политика власти по отношению к казакам стала предметом широкого обсуждения в военных кругах. Среди участников дискуссии были как сторонники сохранения казачьего традиционализма, так и приведения казачества к виду регулярной конницы. Впрочем приверженность регулярству в отношении казачества была лишь внешней и касалась улучшения качеств казачьего коня и амуниции, а не боевой подготовки. Тем не менее, до 1914 г. ни к каким определенным выводам на этот счет власть не пришла, в результате этот вопрос в Российской Империи так и остался открытым, а возможности казачества до конца не реализованными.

Во **второй главе** «Оренбургское казачье войско в период русско-японской войны (1904-1905 гг.)» рассмотрен процесс мобилизации оренбургских казачьих частей и всесторонне проанализированы проблемы участия казаков-оренбуржцев в войне с Японией. Мобилизация оренбуржцев на войну прошла достаточно организованно, поскольку ее подготовка велась на протяжении длительного времени, внезапная мобилизация была бы обречена на провал, что отмечали уже в 1904 г. Оренбургские казаки в составе русской армии приняли участие почти во всех крупных боевых операциях в Маньчжурии. Учиться ведению современного боя им пришлось непосредственно в ходе столкновений с японцами, методом проб и ошибок. Во время войны конница редко использовалась для стремительных маневренных действий, то есть по своему прямому назначению. Казаков чаще всего применяли в целях боевого обеспечения армии (разведка, охранение), а в стычках с противником употребляли как ездящую пехоту. Негативно сказывалась на действиях оренбуржцев их слабая техническая оснащенность: пулеметы в Оренбургской казачьей дивизии появились лишь летом 1905 г. Были и другие причины неэффективности боевого применения казачьих частей. К 1905 г. казаки значительно усилились, стали действовать более умело, однако накопленный опыт не прибавил решимости и знаний кавалерийским начальникам. После Мукденского сражения, с отходом армии на Сыпингайские позиции крупных столкновений с японцами уже не было, и боевой опыт казачьих частей, как и их новое вооружение (пулеметы), остались фактически невостребованными. Война выявила ряд недостатков в подготовке казаков, вскрылись серьезные недочеты в процессе мобилизации дивизии, организация которой, как показала практика, не отвечала задачам своего времени. Казачья дивизия была слишком громоздкой, чтобы применять ее в полном составе, результатом этого стало сильнейшее дробление всех частей дивизии и включение их в различные импровизированные отряды. В этих отрядах коннице часто выпадала лишь вспомогательная роль. Тем не менее, общих взглядов на боевое применение конницы война не установила.

В **третьей главе** «Первая русская революция и оренбургское казачество (1905-1908 гг.)» исследован ход революционных событий на территории Оренбургского казачьего войска, отношение казаков к революционным событиям, а также участие оренбургских казачьих частей в борьбе с революционным движением в Поволжье и на Урале. Значительное внимание уделено первому опыту казачьего представительства в Государственной Думе. События первой русской революции выявили несовершенство старых институтов управления войском и наметили основные пути их реформирования. Поражение России в войне с Японией стало мощнейшим импульсом для массовых проявлений недовольства внутри страны. Радикально настроенные элементы пытались внедрить свои идеи в казачью среду, но революционное брожение не затронуло основную массу казачества, оставшуюся верной существующей власти. Осознав это, либералы и социалисты взяли курс на раскол и компрометацию казаков.

В 1905-1907 гг. на территории Оренбургской губернии не было крупных проявлений революционного движения, отсутствовали массовое рабочее и крестьянское движение. Регион оставался достаточно удаленной от эпицентра событий провинцией. Но революционные события в стране не могли обойти казаков стороной – набирал обороты процесс политизации казачества, среди казаков росло число сторонников тех или иных политических партий, но на жизнь войска этот процесс оказывал незначительное влияние. Постепенно формировался слой войсковой интеллигенции, людей, которые должны были определять пути развития войска, оказывать влияние, как на саму казачью среду, так и на власть. Войсковая интеллигенция состояла не только из сторонников исконных казачьих порядков, но также включала усиливавшееся либеральное течение. Радикальное, антиправительственное направление было характерно для выделяемой в особую группу станичной интеллигенции, к которой относились фельдшеры, сельские учителя, агрономы. В 1917 г. и позднее представители этой группы лиц своими идеями принесли огромный вред казачеству, способствуя его расколу в период наиболее трудных испытаний. События 1905-1907 гг. оказали сильнейшее воздействие на настроения населения, значительно расширив рамки дозволенной политической активности, что не замедлило впоследствии трагически отразиться на судьбе нашей страны. В самом казачестве стали проявляться элементы раскола, в первую очередь поколенческого, обусловленного тем, что старшее поколение вело кардинально другой образ жизни, связанный с наличием внешней опасности, а молодежь воспитывалась в более спокойной обстановке, для нее не так значимы были идеалы прежних времен, а важнее становилось собственное экономическое благополучие, появлялись зачатки нового сознания казачества, в котором на первый план выходили личные, а в обстановке опасности попросту шкурные интересы. Наряду с постепенным ухудшением экономического положения казаков, эта тенденция должна была со временем привести либо к мощному социальному взрыву в казачьей среде и выходу ее из-под контроля власти, либо к коренному реформированию казачества.

Однако в 1905-1908 гг. власть еще могла рассчитывать на казаков, результатом чего стало невиданное по своим масштабам применение их в целях обеспечения государственной и общественной безопасности. Первая практически тотальная, хотя и не одновременная и не ограниченная жесткими временными рамками, мобилизация всех оренбургских льготных полков произвела встряску военного механизма войска, отразив масштабы революционных событий и став проявлением кризиса государственной власти, не способной подавить революцию без привлечения армии. Для внутренней службы было мобилизовано 8 оренбургских казачьих полков, тогда как на русско-японскую войну (исключая состоявший на действительной службе первоочередной 1-й Оренбургский казачий полк) в два раза меньше – лишь 4 полка. Мобилизация выявила массу недоработок в законодательстве и породила огромную переписку, став неплохой проверкой готовности казачества к предстоявшей внешней войне. Войско

сравнительно благополучно выдержало несколько лет существования в условиях практически полного напряжения всех ресурсов. Наведение порядка оказалось возможно путем привлечения крайне незначительных сил - небольшие отряды казаков одним своим присутствием успокаивали целые уезды. Оренбуржцы зарекомендовали себя высокоэффективным инструментом обеспечения правопорядка в условиях крайней дестабилизации обстановки. Впрочем иногда они сами представляли угрозу безопасности местного населения, поскольку командование из-за дробления частей не всегда могло уследить за действиями нижних чинов. Пьянство стало, пожалуй, наиболее ярким проявлением отсутствия необходимого контроля за казаками.

Одним из итогов мобилизации всего войска стало ухудшение состояния казачьих хозяйств, приходивших в упадок в отсутствие хозяев, что усиливало и до того имевшую место в казачьей среде социальную напряженность. Участвуя в борьбе с массовыми беспорядками, оренбургские казаки своими глазами увидели, как живет крестьянство (в обычное время казаки не могли отлучаться из поселков на срок, превышавший 15 суток), что происходит в городах. Влияние чуждой среды на казаков было негативным. Казаки тесно соприкоснулись с худшими, как правило, антигосударственно настроенными элементами общества, что ускорило процесс разложения казачества как особого военно-служилого сословия, разрушало веру казаков в традиционные идеалы служения государству. Брожение в казачьих частях стало почти исключительно результатом недальновидной политики исполнительной власти и командования, которые не заботились об условиях службы казаков, обещанные пособия выплачивались не в срок, льготы не всегда реализовывались. Относительно слабый офицерский состав льготных частей, их сильное дробление и, как следствие, выход из-под контроля офицеров и невозможность изоляции казаков от контактов с революционерами также стали причинами брожения. Власть не была склонна к суровым репрессиям в отношении провинившихся казаков. Пожалование императором в 1906-1907 гг. насок, знамен и, в особенности, грамот практически всем казачьим войскам, свидетельствует о стремлении верховной власти задобрить казачество, продемонстрировать свою близость к этому сословию, в еще большей степени опереться на него. В этом же ключе следует оценивать формирование в мае 1906 г. Лейб-гвардии Сводно-казачьего полка, комплектовавшегося лучшими представителями восьми казачьих войск востока России (всех казачьих регионов, кроме Дона, Кубани и Терека). Впрочем положительные инициативы власти нивелировались архаичной и неповоротливой бюрократической машиной, которая со все большим трудом отвечала на вызовы времени. Это касалось обеспечения условий службы мобилизованных казаков, вызывавшего справедливые нарекания. Новым явлением стала ненависть населения к казакам, зародившаяся под влиянием революционной пропаганды. В 1905-1908 гг. мобилизованные части еще не были утомлены длительной войной, как в 1917 г., и командование сумело справиться с беспорядками в войсках. Потерпев неудачу в войне внешней, армия и правительство вышли победителями из войны внутренней, что на десятилетие отсрочило

гибель императорской России. Первая русская революция показала, что казачество не едино в политическом отношении. Власть увидела, что казаки не являются неисчерпаемым и безгранично преданным престолу резервом, революционеры же убедились в слабом восприятии их идей казаками. Но революционеры, в отличие от правительства, сделали из этого соответствующие выводы.

В четвертой главе «Оренбургское казачье войско накануне Первой мировой войны (1908-1914 гг.)» проанализировано внутреннее состояние войска перед войной и процесс подготовки к войне в казачьих частях. В рассматриваемый период казаки ни боеспособностью, ни боевым духом уже существенно не превосходили регулярную кавалерию. В начале XX в. они перестали быть и экономически выгодным родом войск, поскольку все больше нуждались в государственных дотациях. Военное руководство взяло курс на доведение казачьих частей до уровня регулярной кавалерии, в первую очередь, путем улучшения конского состава. Однако в полной мере это преобразование осуществить не удалось – в составе русской армии появился огромный по своей численности в военное время, но по-прежнему плохо обученный и относительно дорогостоящий род войск. Постепенное стирание различий между казачьими и регулярными войсками влекло за собой аналогичные процессы и в отношении положения казачества и неказачьего населения. В своем первоначальном значении воинов-пограничников казаки сохранялись к концу существования Российской империи лишь на Северном Кавказе, в Семиречье и на Дальнем Востоке. В других казачьих областях пограничный фактор давно утратил свое значение, но нельзя сказать, чтобы исчезла исторически сложившаяся напряженность взаимоотношений казаков и их кочевых соседей. Все более очевидной становилась искусственность сохранения и поддержания государством архаичного института казачества, основанного на принципе наделения землей за службу. Причина этого коренилась, прежде всего, в устаревших к эпохе Первой мировой войны взглядах армейского руководства на необходимость в составе русской армии на случай Европейской войны огромной конной массы, а также в слепой убежденности властей в безграничной преданности казачества. Не только казакам становилось сложнее приспосабливаться к новым условиям, но и государство уже с трудом выполняло свои обязательства перед казаками. Рано или поздно перед властью и казачеством должен был встать вопрос о целесообразности и даже о самой возможности дальнейшего существования этого особого сословия. Казаки обладали своей собственной историей и коллективной памятью, служившей обоснованием их права на существование, поэтому законодательное упразднение сословия было бы для правительства не менее трудным, чем поддержание его на плаву. Модернизация казачества сверху носила противоречивый характер. В канун Первой мировой войны в правительстве напрочь отсутствовала внятная программа реформирования казачества и представление о дальнейшей судьбе казачьего сословия, его месте и роли в жизни страны.

В **пятой главе** «Оренбургское казачье войско в период Первой мировой войны (1914-1917 гг.)» рассматриваются проблемы участия оренбуржцев в Первой мировой войне, изменения в офицерском корпусе, внутреннее состояние войска в военные годы, участие казаков в борьбе с экономическими беспорядками 1916 г. и с восстанием 1916 г. на территории Туркестана и Степного края. Период 1914-1917 гг. стал еще одним тяжелым испытанием, выпавшим на долю войска и всей России. Начавшись небывалым патриотическим подъемом по всей стране, этот период завершился революцией и крушением многовековой российской государственности, а позднее и кровавой братоубийственной войной. Фактором, предопределившим образ жизни и службы оренбургских казаков в этот период стала Первая мировая война, затронувшая все стороны жизни казачьего населения. В годы войны войско вновь (как и в период русско-японской войны и первой русской революции) прошло через тотальную мобилизацию, причем на этот раз мобилизация была действительно практически полной - войско выставило не менее 35 000 казаков – невиданную прежде цифру. Вместе с тем военное руководство не сделало серьезных выводов из опыта участия казаков в войне с Японией. Таким образом, оренбуржцы участвовали в войне практически в том же состоянии, что и за 10 лет до этого. Свой долг казаки выполнили до конца. Многие исследователи отмечают высокие боевые качества казаков, потери которых пленными или пропавшими без вести были ниже, чем в регулярной кавалерии. Почти каждый третий казак был удостоен Георгиевского креста или медали.

Потери оренбургского казачества в войне были в целом незначительны, но казаки в условиях катастрофической нехватки полиции помимо борьбы с внешним врагом, как и прежде, применялись для подавления внутренних беспорядков в Туркестане и Степном крае, а также и непосредственно на территории войска. По-прежнему оренбуржцы показывали себя надежным инструментом в руках крепкой государственной власти. В годы войны произошло резкое разделение станичного и фронтового казачества, жившего на протяжении нескольких военных лет совершенно различной жизнью. Это разделение совпало с подспудно вызревавшим внутренним поколенческим конфликтом и имеет важное значение для понимания процессов периода Гражданской войны. Внутренняя жизнь войска в военные годы не была простой. В 1916 г. стал остро чувствоваться экономический кризис, нестабильность создавали и многочисленные беженцы и военнопленные, размещенные в войске. Тем не менее, каких-либо антиправительственных выступлений даже отдельных казаков Оренбургского войска в 1914-1916 гг. не наблюдалось. Таким образом, именно последовавший в 1917 г. развал сильной центральной власти привел к выходу казачества из-под контроля, что предопределило, во-многом, анархическое его участие в Гражданской войне.

В **Заключении** подводятся основные итоги исследования, суммируются главные оценки и выводы. Существовавшее в XVIII-XX вв. Оренбургское казачье войско являлось историческим феноменом, с присущей ему организационной, социально-экономической и культурно-

исторической спецификой и особенностями. В рассмотренный период войско представляло собой крайне архаичный замкнутый институт, почти не изменившийся с середины XIX в. и нуждавшийся в серьезном реформировании. Войско переживало тяжелый социально-экономический кризис, вызванный противоречиями между влекшим огромные расходы ростом требований армейского начальства к снаряжению казаков и ухудшением экономического положения казачества вследствие необходимости этих новых расходов, голода, недородов, сокращения земельных наделов и тотальных мобилизаций 1904-1908 и 1914-1917 гг. Фактически из иррегулярного рода войск казачество к 90-м гг. XIX в. стало регулярным, но экономические реалии были противоположны военным требованиям и внешняя регулярность была достигнута посредством серьезного ухудшения благосостояния казачества. Требования к регулярности носили лишь внешний характер (качественный конь и амуниция), серьезно не затрагивая вопросов боевой подготовки. В итоге русская армия получила уже не такой дешевый как прежде, но многочисленный и слабо подготовленный род войск. В военных кругах не было единства взглядов на то, по какому пути должна развиваться казачья конница. Кроме того, старый режим (в особенности, аристократия) был тесно связан с конницей и любые попытки реформ в этой сфере воспринимались как посягательство на прерогативы верховной власти. В итоге потенциал казачества как стратегической конницы, в значительной степени, остался нереализованным.

Помимо этого в 1891-1917 гг. в войске происходили сложные многофакторные процессы, приводившие не только к внешним переменам, но и к изменению сознания казачества, а следовательно и к внутреннему расколу. С 70-х гг. XIX в. утратился пограничный фактор в жизни казаков. Исчезновение непосредственной военной угрозы и необходимости бороться со степняками за выживание стимулировало активизацию хозяйственной жизни казаков, порождая внутри войска процесс естественно-исторического расказачивания и окрестьянивания, продолжавшийся и в начале XX в. Между тем, именно военная служба для казаков являлась системообразующим фактором.

Казачество в связи с его тяжелым экономическим положением и все большей зависимостью от государственных дотаций становилось для казны все более обременительным. Но государственная власть даже тогда, когда было очевидно, что без реформ казачьим войскам не выжить, не имела четкой программы реформирования казачества. В итоге казачество встретило 1917 г. практически при том же состоянии своего управления и жизненного уклада, что и в середине XIX в. и даже ранее, между тем реалии внешнего мира уже были совершенно иными. Участие казачества в крупных военных конфликтах, несмотря на массовый героизм казаков и ряд успешных операций, показало неэффективность сохранения огромной казачьей конницы, уже не имевшей серьезных преимуществ перед «регулярными» войсками. Такой вывод можно сделать сейчас, но в то время, несмотря на стремительно прогрессирующий с середины XIX в. упадок конницы, подобные идеи не получили распространения. При этом участие казаков в

присоединении к России Туркестана, в подавлении массовых беспорядков было более чем успешным. Таким образом, в конце существования Российской империи казачество по долгу присяги выступило в качестве социальной опоры власти. Крайняя слабость полиции в России привела к тому, что на казаков, способных к быстрой мобилизации и мобильным передвижениям, были возложены полицейские функции, по характеру решаемых задач казачество приблизилось к современным внутренним войскам. В условиях внутривластной нестабильности власть не могла пойти на сокращение казачьих частей. Эти факторы стали весомым аргументом в вопросе о перспективах сохранения казачества как сословия. Следовательно перспективность казачества оценивалась властью исключительно с позиций военной эффективности. Для укрепления своей опоры государство выделило казачеству огромную материальную помощь, однако половинчатые меры не решили назревших проблем, а экономическая неэффективность подрывала эффективность казачьего военного управления. Кризис казачества к 1917 г. не стал системным, но результатом его стало наличие внутри казачества внешне не всегда заметных для власти сложных разрушительных процессов.

Естественно-историческое раскалывание, некоторые полумеры власти, направленные на облегчение казачьей воинской повинности, грубые ошибки самой власти при использовании казачьих частей на подавлении беспорядков, неспособность власти выполнять свои обязательства перед казаками, все большее отставание казачества на фоне процессов модернизации, а также влияние революционных событий приводили в конце XIX – начале XX вв. к формированию нового сознания казачества, прежде всего в среде казачьей молодежи. Главным признаком этого сознания было отсутствие прежнего глубоко почтительного отношения к воинской повинности, долгу и присяге, старшим. Существенную роль в расколе казачества сыграла немногочисленная, но авторитетная для основной массы казачья сельская интеллигенция (фельдшеры, сельские учителя, агрономы). Эта категория лиц не имела достаточного образовательного ценза, но часто исповедовала радикальные идеи и стремилась взять под свой контроль управление на станичном и поселковом уровне, под ее влияние и подпадала неопытная казачья молодежь. По своему возрасту носители нового сознания позднее составили категорию «фронтовиков» и заняли позицию вооруженного нейтралитета, а некоторые признали Советскую власть на начальном этапе Гражданской войны. Появление носителей нового мировоззрения и конфликт поколений раскалывали казачество. Эти факторы являются принципиально важными и позволяют приблизиться к пониманию причин и особенностей Гражданской войны в казачьих областях.

События первой русской революции и участие оренбургских казаков в обеспечении государственной безопасности не дали повода для обвинения казаков в нелояльности. Авторы, прежде считавшие такими признаками отдельные проявления брожения в оренбургских частях, как показал более глубокий анализ документов, основывались лишь на части сохранившихся источников. Кроме того, эти проявления не носили политического характера, а имели целью

лишь обеспечение нормальных условий несения казаками службы, о чем по своей недалёковидности в этой чрезвычайной обстановке власти в достаточной мере не позаботились. Более того, созданная целостная картина применения оренбургских казаков на подавлении массовых беспорядков даёт представление о высокой эффективности их действий. Власть своей невнимательностью к нуждам казаков, сама того не желая, усугубляла кризисные явления в казачестве, рискуя лишиться поддержки казаков и столкнуться с их организованным протестом.

Межвоенный период не привнес значительных перемен в жизнь войска. Росла товарность казачьих хозяйств и большая ориентация казаков на ведение хозяйственной жизни, накануне войны активизировались мероприятия власти по укреплению казачьих традиций, что должно было способствовать консолидации казачества и повышению его самосознания и духа. После первой тотальной мобилизации периода русско-японской войны и первой русской революции войско оказалось на грани разорения, в таком состоянии оно просуществовало вплоть до 1917 г. Отсутствие свободных средств в войсковом капитале не позволяло войску нормально развиваться, совершенствуя, к примеру, наиболее отстававшую сферу медицинского обслуживания населения. Таким образом, период 1905-1917 г. во внутреннем развитии войска можно назвать в определенной степени периодом стагнации. Такое положение вещей беспокоило наиболее мыслящую часть казачества. Чтобы изменить ситуацию, войску необходима была государственная поддержка в ещё большем масштабе, чем было до 1914 г. Власть озаботилась этим вопросом лишь в 1916 г., организовав специальное совещание в Петрограде, но было уже поздно – вплоть до февраля 1917 г. серьезных улучшений в жизни войска не произошло.

Первая мировая война не оказала серьезного негативного влияния на жизнь войска, казачья экономика подорвана не была, казачьи части, в отличие от пехоты, в ходе войны сумели сохранить свой кадровый состав, но война привела к иным последствиям для казачества. Военные годы привели к глубокому разделению фронтового и станичного казачества, жившего по разным нормам: фронтовики – жизнью русской армии (со своими казачьими особенностями), а станичники – архаичной станичной жизнью. Семена этого разделения пали на благодатную почву уже назревавшего внутреннего поколенческого раскола. Появление на территории войска значительного количества военнопленных и беженцев усиливало внутреннюю нестабильность и включало защитные механизмы, присущие казачеству еще со времен степной опасности. После февраля 1917 г., когда казачество получило возможность самостоятельно выбрать путь своего развития, эти механизмы в условиях общегосударственной нестабильности привели к автономизации войска. Со всей определенностью можно сказать, что до февраля 1917 г. никаких предпосылок серьезного протеста против существовавшего режима в Оренбургском казачьем войске не имелось. Казаки, как и ранее, оставались надежным и высокоэффективным инструментом в руках сильной государственной власти. Прежде всего, это касалось неприятной для казаков обязанности подавления массовых беспорядков. Февральская революция вызвала в

станичном казачестве чувство растерянности, фронтовики быстрее сумели включиться в общественно-политическую жизнь при новых условиях. Однако крах исторической российской государственности и ослабление роли центра в регионах, а также «демократизация» армии привели к необратимым изменениям и в Оренбургском казачьем войске, хотя серьезные перемены в казачестве происходили позднее соответствующих перемен в неказачьем населении.

Казачья и до 1917 г. таила в себе сильную тягу к анархии, сдерживавшуюся контролем сверху. С утратой контроля низменные проявления вырвались на поверхность. Такая особенность казачества позволяет прийти к выводу о его эффективности как инструмента государственной политики лишь при наличии жесткого административного контроля. Применение казачьих частей было наиболее эффективно вне территории войска. Подобная система, несмотря на архаизм казачества, вплоть до 1917 г. работала практически безотказно.

Основные положения диссертации Ганина А.В. отражены в следующих публикациях:

1. Ганин А.В. Российский историк генерал-майор И.Г. Акулинин //Труды научной конференции "Ломоносов-2000". История /Отв. ред. А.Ю. Андреев. М., 2000. С. 34-36.
2. Ганин А.В. Генерал-майор И.Г. Акулинин //Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 2000. № 8. С. 85-91.
3. Ганин А.В. Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска А.И. Дутов //Кубанец: Magazine of Kuban cossack association /Изд. Кубан. казачьего союза. 2001. № 209. Февраль. С. 27-32.
4. Ганин А.В. Проблемы казачества начала XX века в освещении журнала "Военный сборник" (1900-1914) //Россия и реформы. Сб. статей. Ред.-сост. О.Р. Айрапетов. М., 2002. С. 53-90.
5. Ганин А.В. Рец.: Казачьи войска Азиатской России в XVIII - начале XX века (Астраханское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Уральское). Сб. док. /Сост. Н.Е. Бекмаханова. М., 2000. //Россия и реформы. Сб. статей. Ред.-сост. О.Р. Айрапетов. М., 2002. С. 181-185.
6. Ганин А.В. «Зажглась кровавая заря...». Оренбургские казаки на сопках Маньчжурии //Родина. Российский исторический иллюстрированный журнал. 2004. № 1. С. 68-73.
7. Ганин А.В. «Зажглась кровавая заря...». Оренбургские казаки в русско-японской войне //Русско-японская война 1904-1905. Взгляд через столетие. Международный исторический сборник под редакцией О.Р. Айрапетова. М., 2004. С. 249-322.
8. Ганин А.В. Вожди антибольшевистского движения оренбургского казачества в Николаевской Академии Генерального Штаба, 1901-1914 гг.: Опыт историко-психологического исследования //Русский сборник. Исследования по истории России XIX - XX вв. Т. 1. М., 2004. С. 152-196.
9. Ганин А.В. Рец: P. Holquist. Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914-1921. Harvard University Press. Cambridge, Lnd. 2002. 360 p. П. Холквист. Ведя войну,

выковывая революцию. Непрерывность кризисов 1914-1921 гг. в России //Вопросы истории. 2004. № 10. С. 173-175.

10. Ганин А.В. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска в войне с Японией (1904-1905 гг.) //Ломоносов-2004. История. Труды научной конференции. М., 2004. С. 71-75.
11. Ганин А.В. Зайцев Иван Матвеевич //Челябинская область. Энциклопедия. Гл. ред. К.Н. Бочкарев. Т. 2. Д-И. Челябинск: Каменный пояс, 2004. С. 363.
12. Ганин А.В. Лейб-гвардии Сводно-казачий полк //Челябинская область. Энциклопедия. Гл. ред. К.Н. Бочкарев. Т. 3. К-Л. Челябинск: Каменный пояс, 2004. С. 680-682 (в соавт. с Н.С. Шибановым).
13. Ганин А.В. Оренбургское казачье войско //Челябинская область. Энциклопедия. Гл. ред. К.Н. Бочкарев. Т. 4. Челябинск: Каменный пояс, 2004. С. 749-750 (член авторского коллектива).
14. Ганин А.В. Шестой побег генерала Зайцева //Родина. Российский исторический иллюстрированный журнал. 2005. № 3. С. 28-32.
15. Ганин А.В. Предки и потомки Войскового атамана Оренбургского казачьего войска А.И. Дутова //Генеалогический вестник. Санкт-Петербург. 2005. № 21. С. 40-47.
16. Ганин А.В. Александр Ильич Дутов //Вопросы истории. 2005. № 9. С. 56-84.
17. Ганин А.В. Оренбургские казачьи офицеры в войне с Японией //Россия в войнах начала XX века. Екатеринбург, 2005. С. 56-74.
18. Ганин А.В. Большая игра генерал-майора И.М. Зайцева //Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Альманах. 2005. № 8. С. 193-207.
19. Ганин А.В. Архивные коллекции по истории оренбургского казачества и их судьба //Отечественные архивы. 2006. № 1. С. 36-41.
20. Ганин А.В. Оренбургские казаки в борьбе с революционным движением в Поволжье и на Урале в 1905-1908 гг. //Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 3. М., 2006. С. 128-168.
21. Ганин А.В. Судьба Генерального штаба полковника Ф.Е. Махина //Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 54-58.